

Или же пореволюционный, сталинский и пост-сталинский СССР — три разных, не сводимых в единую хронологическую рамку политических образования? Разумный принцип автора «понять революцию, прежде чем судить ее», все же не должен заслонять от нас того факта, что «окно возможностей» (с. 16) открывалось не только самой по себе Революцией, но и созданным ею пореволюционным режимом партийной демократии, атмосферой социального творчества и острых дебатов.

Отвлекаясь же от той роли, которую рассматриваемая работа вносит в осмысление французским и российским обществом 1917 года, следует отметить пользу книги Э. Онобля для научной историографии. Она поднимает вопрос, как работать с тем, что названо в заглавии книги «прочтениями и интерпретациями». Тому есть множество причин — от расширения круга источников по новейшей истории, до расширения поля

историографии за счет неакадемических представлений об истории.

Кроме того, легко и ясно написанная книга Э. Онобля послужит серьезным подспорьем для любого фундаментального исследования по истории Революции 1917 года, гражданской войны в бывшей Российской империи и революционной волне 1917–1923 гг. в целом, поможет лучше разобраться в тенденциях французской историографии и политической культуре французского общества. Доскональное изложение французской и международной историографии 1917 года дополнено в ней тонким пониманием политического контекста и логики смены общественных настроений во Франции, начиная с заката «*Belle époque*» и заканчивая «концом истории» 1990-х годов и современным периодом.

Д. В. Денисов,

докторант (соискатель степени PhD)
Высшей школы социальных исследований
(EHESS, Париж).

П. Черкасов. ИМЭМО. ОЧЕРК ИСТОРИИ. М.: изд-во «Весь мир», 2016, 872 с.

Эта книга посвящена советской и пост-советской истории одного из ведущих академических научно-исследовательских учреждений нашей страны — Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) Российской академии наук. Она написана доктором исторических наук, главным научным сотрудником Института всеобщей истории РАН П.П. Черкасовым и опубликована в том же 2016 г., когда ее автора избрали членом-корреспондентом РАН, а ИМЭМО отпраздновал 60-летие со дня своего основания. П.П. Черкасов справедливо замечает, что «к своему шестидесятилетнему юбилею Институт мировой экономики и международных отношений РАН подошел не только с яркой историей, но и с целым рядом внушительных достижений последнего времени» (с. 16).

Книга интересна прежде всего тем, что история ИМЭМО вписывается в общий контекст политического развития СССР/России второй половины XX в. Читателю представлена важная, во многом новая документальная хроника, выводящая, говоря словами П.П. Черкасова, «на более широкую проблему — интеллигенция и власть в СССР/России» (с. 17). Действительно, на примере одного института автору удалось показать «интеллектуальную историю послевоенного советского, а затем и российского общества» (с. 17). Таким образом,

книга, вышедшая в преддверии 100-летия Октябрьской революции 1917 г., вносит свою лепту в осмысление событий, происходивших под ее влиянием в нашей стране. Надо отдать должное П.П. Черкасову: воссоздавая историю института, ему удалось связать ее с общим контекстом происходивших процессов, в том числе в социокультурной области, подвергнуть их глубокому анализу, четко обозначить авторскую позицию и к тому же продемонстрировать писательский талант.

Хочется особо подчеркнуть также, что, представив в 16 главах своей книги картину того, как сказывались на работе ИМЭМО политические перипетии в нашей стране, П.П. Черкасов, сам проработавший в этом институте с 1970 по 1987 г., подготовил именно исторический труд, выполненный в русле концепции Ф. Броделя об истории «среднего времени». П.П. Черкасов прав, когда пишет, что «время для развернутой и объективной оценки деятельности ИМЭМО последних пятнадцати лет еще не настало, если не сводить дело к скучному изложению ежегодных научных отчетов. Но вполне правомерно и даже необходимо бросить ретроспективный взгляд на историю Института с момента его создания в 1956 г. до конца XX столетия» (с. 16). Свою авторскую задачу он формулирует так: «С самого начала я считал своим долгом рассказать о внутренней жизни ИМЭМО и о некоторых интересных людях, в разное время

работавших в Институте, многие уже ушли из жизни и заслуживают доброй памяти. Кого-то из них я хорошо знал лично, кого-то заочно, через их труды, с кем-то «познакомился», изучая личные дела в архиве ИМЭМО» (с. 17).

Эта архивная составляющая книги поистине уникальна. Автор не только тщательно проштудировал материалы РГАСПИ, РГАНИ, РАН, но и впервые привлек широкий пласт документов из архива ИМЭМО: личные дела сотрудников и аспирантов, стенограммы заседаний Ученого совета и дирекции, ежегодные отчеты о научной и научно-организационной деятельности, переписку с министерствами и ведомствами, справки о международных научных связях, политические и экономические прогнозы, аналитические записки в ЦК КПСС и в государственные органы власти и др. Выдержки из архивных документов раскрывают непростою жизнь ИМЭМО, подчас омраченную драматичными событиями.

Еще одну важную составляющую книги, идущую в мейнстриме современной исторической науки – «устной истории», – представляют интервью автора с творцами, участниками и очевидцами жизни ИМЭМО. Среди них – Е.М. Примаков, чье имя не требует дополнительных пояснений, многолетний член редколлегии журнала «Мировая экономика и международные отношения» («МЭиМО») Д.Г. Томашевский, вдова второго директора ИМЭМО Н.Н. Иноземцева М.М. Максимова, и сама бывший ведущий специалист института, академики А.Г. Арбатов, В.Г. Барановский, именитые ученые И.М. Бунин, О.Н. Быков, Н.А. Косолапов, М.А. Чешков, В.Л. Лебедев и др. Весьма ценны воспоминания иностранных специалистов, таких, как лорд Роупер, в 1970–1980-е годы плодотворно сотрудничавший с ИМЭМО, Дж. Блейк – знаменитый советский разведчик, работавший в институте с 1974 г. под именем Георгий Иванович Бехтер, «широко известный теперь как американский политолог Д. Саймс» (с. 359) Д.К. Симис, проработавший в ИМЭМО с 1967 по 1973 г.

Нельзя не согласиться с П.П. Черкасовым в том, что «начинать историю ИМЭМО следует не с 1956 г., когда он был создан, а с 1947-го, когда был ликвидирован Институт мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП)», поскольку «с момента своего рождения ИМЭМО считал себя преемником ИМХМП, возглавлявшегося академиком Евгением Самуиловичем Варгой» (с. 17).

В начале книги автор как раз и воссоздает историю гибели или закрытия ИМХМП, оставившаяся на важнейших результатах работы этого института через призму взаимоотношений Сталина и Варги начиная с 1925 г. и до принятия 18 сентября 1947 г. согласно Протоколу

№ 59 решения Политбюро ЦК ВКП(б) об объединении ИМХМП в единый Институт экономики в системе АН СССР (с. 21–22). «Венгерский политэмигрант, с 1906 г. участвовавший в рабочем движении в рядах левых социал-демократов, – пишет П.П. Черкасов, – Варга был видным экономистом... в деятельности которого с конца 20-х годов важное место занимало выполнение личных заданий вождя... Под руководством Е.С. Варги ИМХМП приобретал растущий авторитет не только в СССР, но и за рубежом. Экономические разработки ИМХМП выгодно отличались от примитивно-пропагандистских оценок, дававшихся на страницах подавляющего большинства советских партийных изданий» (с. 22–23, 27).

Задавшись целью рассмотреть взаимоотношения интеллигенции и власти в нашей стране, П.П. Черкасов на примере судьбы и научной деятельности Е.С. Варги показывает, как в одном человеке чутье реально мыслящего ученого-экономиста порой уживалось, а порой вступало в противоречие с марксистскими идеалами. Приведенные выдержки из документов предоставляют читателю возможность самостоятельно оценить, в чем был прав и в чем ошибался академик Варга.

Так же беспристрастно написаны и следующие 15 глав «Очерка», посвященные собственно истории ИМЭМО, который пережил четыре большие «эпохи». Причем каждая из них самым непосредственным образом зависела в первую очередь от того, кто им руководил, в немалой степени – от всего научного коллектива, но в значительной мере диктовалась атмосферой, царившей в нашей стране, отношением политических верхов к ученым-обществоведам.

Создавался ИМЭМО в 1956 г. благодаря «хрущевской оттепели». Его первая «эпоха» связана с именем А.А. Арзуманяна, считавшего себя продолжателем дела, начатого Е.С. Варгой еще в середине 20-х годов» (с. 117) и ставшего первым директором института. П.П. Черкасов рассказывает, как набирались институтские кадры, создавался журнал «МЭиМО», главным редактором которого был назначен Я.С. Хавинсон. Не лишено оснований следующее суждение автора: «Можно лишь догадываться о том давлении, которое оказывалось на Арзуманяна высшими партийными чиновниками в вопросе кадрового комплектования ИМЭМО, призванного обслуживать директивные инстанции... Арзуманян... исходил прежде всего из профессиональных качеств известных ему людей, а также из оценки способностей и творческого потенциала молодых специалистов... Гораздо проще решался вопрос о зачислении в сразу же ставший весьма престижным ИМЭМО детей и родственников

лиц из высшей советской номенклатуры... Как правило, они удачно вписывались в научный коллектив ИМЭМО, а сам факт их принадлежности к Институту Арзуманяна укреплял позиции директора в глазах той же номенклатуры» (с. 113, 114).

«Очерк» является еще и важным биографическим справочником о наших ученых, чьи портреты созданы П.П. Черкасовым путем творческой компоновки разнообразных данных: производственных характеристик, автобиографий, воспоминаний очевидцев и т.д.

В главе «Институт Арзуманяна (1956–1965)» П.П. Черкасов охарактеризовал главные направления научной деятельности ИМЭМО. В 1960-х годах «успешная в целом работа ИМЭМО в значительной степени зависела от организаторских способностей его директора – осмотрительного, но настойчивого в отношении с начальством и одновременно внимательно к своим сотрудникам, в одни и то же время осторожного в вопросах идеологии и открытого всему новому, что предлагалось самой жизнью, экономическими и политическими реалиями постоянно меняющегося мира» (с. 181). При этом взгляд П.П. Черкасова критичен. Например, он отмечает, что «ахиллесовой пятой» практик всех советских научных публикаций в области мировой экономики и международных отношений (включая публикации ИМЭМО) «всегда была пропагандистская составляющая, заметно снижавшая уровень даже наиболее интересных работ» (с. 133). А далее он подчеркивает, что Арзуманян сделал первый шаг к признанию объективного характера европейской интеграции, отказавшись, по сути, рассматривать ее как проявление чьей-то «злой воли», что он писал о важных объективных предпосылках экономической интеграции шести стран «малой Европы». При этом, замечает П.П. Черкасов, «такие признания нелегко дались убежденному марксисту-ленинцу Арзуманяну», и он оговаривал их целым набором идеологических формул, обличающих «происки империалистов» (с. 150–151).

Искренне убежденный в яркой истории и внушительных результатах деятельности ИМЭМО, П.П. Черкасов создал отнюдь не панегирик институту – он сумел беспристрастно рассказать о трудностях, проблемах, конфликтах и обрушившихся на коллектив ударах власти и времени. Вторая «эпоха» ИМЭМО, связанная с 16-летним директорством Н.Н. Иноземцева, изложена автором в разделе «Между реформами и контрреформами». Здесь и рассказ о жизненном пути Н.Н. Иноземцева, и характеристика его команды.

«Отличительной чертой этой команды единомышленников... – отмечает П.П. Черкасов, – была нацеленность на преодоление

догматических представлений об окружающем мире и о насущных потребностях собственной страны... Иноземцев и его команда все более смело пытались влиять на принятие советским руководством важных внешнеполитических решений» (с. 241). Автор показывает, как непросто пробивались через сопротивление «непродвинутой части номенклатуры» научно-исследовательские новшества, например политическое прогнозирование, у истоков которого в начале 1970-х годов стоял Е.М. Примаков (с. 249). Подчеркнув, что «развертывание в ИМЭМО, по инициативе Иноземцева, теоретических, прогностических и страноведческих исследований существенно повысило научный авторитет Института и его директора» (с. 261), П.П. Черкасов замечает, что «в директивные инстанции, плановые органы, различные министерства и ведомства за этот же период были направлены более 500 справок, аналитических записок и других материалов» (с. 271).

Объективно оценить работу ИМЭМО невозможно, не затронув вопроса о взаимоотношениях его научного коллектива с советским руководством. В разделе, озаглавленном «Был ли ИМЭМО “филиалом” спецслужб?», П.П. Черкасов описывает работу в институте «действующих резервистов» и ветеранов советской и иностранной разведок и подчеркивает: «ИМЭМО никогда не занимался разведывательной (или контрразведывательной) деятельностью. Его задача состояла в том, чтобы разрабатывать актуальные мирохозяйственные и международно-политические проблемы и давать соответствующие рекомендации партийно-государственному руководству СССР. Советские спецслужбы никогда не были в числе приоритетных заказчиков ИМЭМО, хотя, конечно же, имели возможность получать из Института все интересующие их материалы» (с. 337).

Деятельность ИМЭМО в 1970-е годы автор назвал «золотым веком» в формате застоя (с. 367). Раскрыв аспекты этой деятельности, он заключает: «Институт по праву считался ведущим советским “мозговым центром” в области мировой экономики и политики. Он вел активную и широкую исследовательскую и просветительскую работу... Все это стало возможным вследствие высокого авторитета, которым академик Н.Н. Иноземцев пользовался в директивных инстанциях. Номенклатура хорошо знала о расположении к нему Брежнева, для которого Иноземцев писал доклады и выступления, вкладывая в них, по возможности, разумные мысли и предложения, которые, увы, зачастую не могли быть реализованы в условиях прогрессирующего склероза советской системы» (с. 427, 428). Вполне понятно, что в таких условиях ИМЭМО не мог не стать и очагом

инакомыслия. В 1970-е годы оно выражалось, как пишет П.П. Черкасов, ссылаясь на дневниковые записи одного из старейших, ведущих ученых института, доктора экономических наук Я.А. Певзнера, в «раздвоении личности», в своеобразной «внутренней эмиграции» (с. 364–366).

В апреле 1982 г. в ИМЭМО неожиданно обнаружили два «отщепенца-антисоветчика», арестованные органами КГБ (с. 366). П.П. Черкасов нарисовал картину развития инакомыслия в ИМЭМО, определенно Е.М. Примаковым как «системная оппозиция». В ходе кампании, развязанной против института, выявились друзья и недруги Н.Н. Иноземцева. В конечном счете эта кампания привела к его преждевременной смерти 12 августа 1982 г. Глава «ИМЭМО под ударом (1982 г.)» изобилует интереснейшими, малоизвестными документами из Архива ИМЭМО и личных или письменных воспоминаний очевидцев событий.

Пройдя через двухлетний период «реабилитации» и смены институтского руководства в 1983–1985 гг., ИМЭМО вступил в третью «эпоху», отмеченную директорством Е.М. Примакова, назначенного на этот пост в октябре 1985 г. по ходатайству «отца перестройки» А.Н. Яковлева, тоже успешного побывать «транзитным директором» (с. 532) института с августа 1983 по июнь 1985 г. О времени руководства А.Н. Яковлева в книге говорится как «об оживлении научной жизни в ИМЭМО и о возвращении к нему пошатнувшегося авторитета внутри страны и за рубежом». Сам же Александр Николаевич отзывался об этом времени так: «До сих пор считаю годы работы в Институте лучшими годами своей жизни» (с. 557).

Что касается «Периода Примакова», то уже временные рамки названной так главы (1985–1989 гг.) свидетельствуют том, что речь в ней пойдет о непростых временах. «С началом в стране перестроечных процессов... — пишет П.П. Черкасов, — в настроении сотрудников, в их сознании происходил очевидный перелом от безнадежного пессимизма начала 80-х гг. Предварительная обкатка новых подходов, диктовавшихся велением времени, проходила на трех основных площадках: на заседаниях Ученого совета, Методологического координационного совета ИМЭМО по теоретическим проблемам политической экономии современного капитализма и на ситуационных анализах — любимом детище Е.М. Примакова» (с. 586).

Далее, в разделе «“Серебряный век” ИМЭМО», П.П. Черкасов рассказывает об успехах вновь созданного Отдела разоружения и между-

народной безопасности, внесшего большой вклад в подготовку договоров РСМД, ДОВСЕ, СНВ-1 — трех «самых великих в истории соглашений по разоружению», как охарактеризовал их А.Г. Арбатов (с. 605). Вместе с тем автор показывает, «как нелегко давалось переосмысление устоявшихся представлений в области внешней и оборонной политики» (с. 606), приводя многочисленные выдержки из собранных воспоминаний участников событий.

При Е.М. Примакове «прикладные разработки охватывали и широкий спектр экономических вопросов... В годы перестройки в Институт с соответствующими просьбами чаще, чем раньше, стали обращаться сами правительственные инстанции, министерства и ведомства... нараставшие трудности пока еще не сказывались на настроении научного коллектива ИМЭМО... работавшего в те годы на подъеме, с надеждой на улучшение общей обстановки в стране. Впервые за многие десятилетия становилось возможным свободно дышать, свободно думать и свободно высказываться, а материальные трудности воспринимались многими как болезнь переходного времени — от худшего к лучшему», констатирует П.П. Черкасов (с. 611, 616–617).

Однако «теоретическое переосмысление прежних представлений о меняющемся внешнем мире и новых задачах советской внешней политики давалось нелегко даже интеллектуалам из ИМЭМО» (с. 598). В этой связи П.П. Черкасов приводит в пример неудачу с созданием труда по истории международных отношений, концепция которого Ученому совету института тогда так и не удалось выработать по причине «монопольного права» на их трактовку на основании марксистско-ленинских, а не системных постулатов со стороны тогдашнего идеологического руководства партии во главе с М.А. Сусловым и др. Тут П.П. Черкасов задается вопросом о том, возможно ли в принципе создать «универсальную теорию международных отношений» (с. 602).

После избрания Е.М. Примакова в июне 1989 г. Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР и его ухода в связи с этим из ИМЭМО третья «эпоха» института продолжилась при его преемнике, докторе экономических наук, член-корреспонденте АН СССР В.А. Мартынове, работавшем заместителем сначала у Н.Н. Иноземцева, потом у А.Н. Яковлева и Е.М. Примакова. Оставался он на директорском посту вплоть до 2000 г. В это время «вместе со всем обществом, будучи его частью, сотрудники ИМЭМО тяжело переживали неудачи перестройки, зашедшей

в тупик. В августе 1991 г. многие сотрудники Института проявили солидарность с российским руководством, придя на площадь у Белого дома и выразив готовность его защищать», вспоминает П.П. Черкасов (с. 670). Развал СССР завершил «45-летний советский период в истории Института мировой экономики и международных отношений, — заключает он. — В 1992 г. началась новая глава в этой, теперь уже постсоветской истории» (с. 673).

Эта новая глава стала четвертой «эпохой» ИМЭМО, когда его экспертам — экономистам и политологам — предстояло осознать новые реалии и попытаться выступить с соответствующими рекомендациями. «Предстояло осознать и другое, — пишет автор, — не менее важное обстоятельство. С исчезновением “заказчика” в лице ЦК КПСС ИМЭМО впервые в своей истории становился в значительной степени независимым экспертным центром, свободным от идеологических предписаний и ограничений, что, конечно, не освобождало его от важной гражданской миссии — консультировать новые государственные органы власти, давать им научно обоснованные рекомендации» (с. 677).

Разделы «Очерка», посвященные дискуссиям институтского коллектива по оценке «шоковой терапии» правительства Е. Гайдара, политическим сценариям для постсоветской России, принципам и приоритетам внешней политики, проблеме взаимоотношения государства и общества, дефолта 17 августа 1998 г., написаны на основе скрупулезного анализа архивных материалов ИМЭМО. «Спустя почти четверть века, — замечает П.П. Черкасов, — трудно с достоверностью говорить о том, какие конкретные рекомендации давал Институт высшему государственному руководству. Но... в период двоевластия в стране (1992–1993) и почти до конца президентства Б.Н. Ельцина (1999) не допущенным в Белый дом и Кремль экспертам было трудно пробиться наверх со своими аналитическими разработками и рекомендациями. Во всяком случае, для экспертов ИМЭМО в описываемое время это стало гораздо труднее, чем при прежнем режиме».

1990-е годы были тяжелым испытанием для российского общества и для коллектива ИМЭМО, в частности. Однако институт выстоял и «продолжал работу по оказанию консультативно-экспертной помощи государственным органам власти» (с. 840). В 1999 г. в ИМЭМО числилось 630 сотрудников, в том числе 520 научных работников, «оставшихся верными своему профессиональному выбору, несмотря на весьма скромную заработную плату» (с. 840).

К концу 1990-х годов стало окончательно ясно, что во внешней политике России происходит явный пересмотр некоторых прежних

установок, обрекавших ее на послушное следование в фарватере стратегии Запада. ИМЭМО, разумеется, не оставался в стороне от осмысления внешнеполитических итогов 1990-х годов для России. Аналитики института, пишет П.П. Черкасов, «пытались предложить высшему государственному руководству как свое понимание допущенных просчетов во внешней политике, так и свое видение отвечающих интересам России перспектив в отношениях с Западом» (с. 797, 798). В этой связи в книге подробно анализируются доклад А.Г. Арбатова на Ученом совете института 17 марта 1999 г. и доклад К.Г. Холодковского о предвыборной ситуации в России, представленный Ученому совету 4 октября того же года. Оба они вызвали бурную дискуссию. Текст этих докладов так же, как, впрочем, и другие впервые процитированные в книге документы, может послужить ценным источником для специального изучения на семинарах студентов различного профиля образования.

Фундаментальный труд П.П. Черкасова помогает лучше понять и оценить уровень научной и профессиональной подготовки советских и российских ученых. Наряду с этим складывается более отчетливое представление о степени влияния их научных анализов и предложений на тех, от кого зависело принятие политических решений, и сразу возникает желание посоветовать государственным чиновникам почаще прислушиваться к мнению ученых. Мне, университетскому преподавателю, хочется сориентировать своих коллег, специализирующихся на изучении новейшей отечественной истории, на использование книги П.П. Черкасова в учебном процессе. Эта книга — и источник, и образец научно-исследовательского творчества. А как историку-франковеду мне вспомнились слова именитого французского ученого Ж.-Б. Дюрозеля, воспитавшего плеяду учеников с мировой известностью. «История, — говорил он, — это прежде всего наука, но вместе с тем и искусство. Как любая наука, она должна изучать действительность, а как искусство — изображать жизнь элегантно и слогом»¹. Книга П.П. Черкасова вполне соотносится с таким определением и обязательно привлечет внимание не только специалистов, но и всех интересующихся историей нашей страны.

Г.Н. Канинская,
доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой всеобщей истории
Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова.

¹ *Duroselle J.-B. Itinéraires. Idées, homme et nations d'Occident (XIX – XX siècle). Paris, 1991, p. 35.*